

6, 7 и 8 ноября в ЦКЗ «Россия» будет представлена программа «Лайма в стиле танго». Говоря о ней, экстравагантная и обворожительная Лайма Вайкуле предупреждает: «Мое шоу будет еще ближе к эротике. Я стану еще более чувственной и женственной на сцене».

Вэл Кичеб - 1998

Лайма ВАЙКУЛЕ: Я НИКОГДА НЕ ПОЙДУ ВЕНЧАТЬСЯ

5.10.2011 - 4.50

— А как вы определяете грань между чувственностью и пошлостью?

— Эту грань каждый определяет для себя сам. Если будучи бедной и несчастной ты попадешь в публичный дом, то когда ты станешь богатой и счастливой, публичный дом для тебя все равно будет продолжаться. Я хочу сказать, что мне нравятся чувственные актеры, но не пошлые. Очень редко этим даром обладает человек в двадцать лет. Поэтому я набираю в свой балет более зрелых людей. Они понимают, что делают, и не путают сцену с личными отношениями. Терпеть не могу, когда в коллективе у кого-то с кем-то есть так называемые интимные отношения. На сцене их скрыть невозможно, это мешает работе. Эти люди принадлежат уже не искусству, а друг другу, они уже несвободны.

— А что значит для вас свобода?

— Я совершенно свободолобивый человек с легкой клаустрофобией. Не могу принадлежать кому-то. Поэтому я не замужем и не собираюсь туда. Когда мне говорят: «А ваш супруг...», я отвечаю: «У меня нет супруга». С человеком, с которым я прожила всю жизнь, мы знакомы с шестнадцати лет. Он старше меня и во многом мне помогает. Мы долго боролись за лидерство, но в итоге я победила. Это человек, которого я очень уважаю, люблю, который всегда со мной рядом. Но я никогда не пойду с ним венчаться. А вдруг он в кого-то влюбится? Или мне вдруг что-то придет в голову? Это большой грех — разрушить союз, скрепленный в браке.

— Как вы считаете, стоит ли бороться за любовь?

— Не стоит, я в этом уверена. Все должно получаться само собой. Я верю в судьбу. В моей жизни все происходило независимо от моих решений — так, как и должно было происходить, наверное. Любовь, счастье — это непредсказуемо.

— А что, по-вашему, счастье?

— Это мгновение. Часто начинаешь чувствовать его, когда оно уже в прошлом. По-моему, счастье бывает абсолютным только в детстве и юности, а потом на тебя влияет и политика, и несчастья, ты уже иначе воспринимаешь жизнь и не можешь быть счастливым только оттого, что солнце светит.

— Кстати, ведь ваше имя переводится на русский язык как «счастье»?

— Да, Лайма — счастье, а уменьшительное — счастьеенко, Лаймите. В Латвии Лайма является богиней плодородия и удачи.

— С таким именем вам должна неизменно сопутствовать фортуна?

— Грех жаловаться на судьбу — она дает столько шансов. Другое дело, что я их не всегда использую. Я, на-

пример, могла играть в Бродвейском мюзикле Мату Хари. Это была трехчасовая драматическая роль на английском языке, с танцами, но всего с шестью песнями. Предложение поступило совершенно неожиданно. Я работала в Америке, в Карнеги Холле, и после выступления мне в гостиницу позвонил продюсер театра. Все вроде бы подходило — даже мой акцент, но у меня эта роль заняла бы много времени, и я бы не имела возможность готовить свои программы. Случись это лет на 10 пораньше, я бы, наверное, не раздумывала.

— Существует мнение, что с годами люди становятся жестче, утрачивают доброту...

— Я становлюсь лучше. А как иначе? Иначе смысл жизни пропадает. Во всяком случае, стараюсь становиться лучше. Как и все люди, в детстве поначалу я чувствовала себя главной в этом мире. А сегодня меня волнует, что происходит загрязнение рек, что рвут цветы, ломают деревья, что выкидывают собак на улицу. Раньше меня волновала только я.

— В таком случае вы неизбежно должны были прийти к вере?

— Я православная, но редко хожу в церковь. И когда я обращаюсь к Всевышнему, говорю ему лишь «спасибо» и ничего не прошу. Разве что еще здоровья моим родным. Ведь я считаю себя баловнем судьбы. И главное — успеть сказать «спасибо».

— В последний раз вы «вышли на Пикадилли» и теперь...

— Танцую аргентинское танго. — Почему именно танго, а не вальс или самбо?

— Танго — очень технически сложный танец, но в этом и есть вся его красота. Вместе со своей балетной группой в Америке мы даже брали уроки танцев у жгучего аргентинца, великолепного танцора.

— Какое у вас отношение к деньгам?

— Я их никогда не копила, я не люблю драгоценностей — для меня это абсолютно неважно. Может, из-за моего легкого отношения к деньгам они так же легко всегда от меня и уходили? Вообще живу одним днем.

— Вам знакомо чувство зависти?

— Если говорить о чисто человеческой зависти, у меня такого чувства нет, скорее это можно назвать стимулом. Если я вижу в человеке то, что мне нравится, стараюсь в чем-то на него походить. И так во всем: в профессии, во внешности. Нельзя завидовать красивому и хорошему. Красота может сделать человека только лучше. Хотя, если женщина красива, но глупа, ее красота всех раздражает.

— Когда кто-то обижает вас, вы затаиваете обиду?

— Нет, что вы! Вообще я человек не злопамятный. Но помню, как в детстве однажды поссорилась с хо-

зайкой дома, где мы жили. Мне страсть как захотелось отомстить и я решила отравить ее кур. На слуху было одно название — змеиный яд... — Мазь против радикулита, что ли?

— Вот-вот. Я и подмешала его в корм для живности. Как на зло — никакие последствия. Правда одна старенькая курица позже заболела и умерла, а я решила: моих рук дело. Переживала, даже молилась, чтоб птичка выздоровела. Это послужило хорошим уроком для меня, и подобных желаний в будущем не возникло.

— С тех пор вы полюбили животных и завели собачку...

— Да, я даже ношу за спиной рюкзачок, в который кладу мясные деликатесы, недоеденные друзьями и коллегами на презентациях и банкетах, а после кормлю бродячих собак. Ведь собаки и кошки, которых мы приучили и затем вышвырнули на улицу, к жизни в больших городах не приспособлены. Человек может постоять за себя, а они нет.

— Со своей собакой любите прогуляться по Москве?

— Увы, своего ротвейлера Кенди я оставляю дома и не беру на гастроли. Мне даже кажется, что она уже больше любит мою сестру, которая с ней каждый день. Но слушается Кенди только меня!

— А сколько укушенных на ее личном счету?

— Немало. Это мой характер, я тоже «кусаюсь», если меня разозлит. Еще мы терпеть не можем, когда

люди используют в одежде шкуры убитых животных. Однажды Кенди даже выдрала клочок шубки у бывшего директора моего косметического салона. Меня часто спрашивают, справедливо ли замечание, что животные похожи на своих хозяев. Отвечаю утвердительно. Собак-то мы выбираем по своему вкусу.

— Для многих вы — эталон стиля и элегантности. У вас есть свои идеалы в одежде, внешности?

— Все зависит от того, что мне нравится в данный момент, что я чувствую. Сегодня мне нравятся японские дизайнеры. Я даже не имею в виду таких мэтров моды, как Исси Мийаки. Есть молодые дизайнеры, чьи творения даже не доходят до нас, но это целая культура. На концертах мне помогает талантливая женщина, бывшая рижанка, которая уже 25 лет живет в Америке. Мы с ней по телефону можем договориться о том, какой должен быть костюм. Это единственный человек, которому я могу доверить костюмы для балета. Мне нравится одежда никакая, и в то же время в ней должно быть много мысли. Хотя одежда — это не главное. Нет женщины прекрасней той, у которой умные, светлые глаза. Мы по-разному выглядим, бываем разные состояния. Но у женщины всегда должны быть аккуратные волосы, чистое лицо, чистая обувь, ухоженные ногти, и она всегда должна знать, когда, где и в чем быть. Когда ты это чувствуешь, ты всегда будешь приятной.

— А в личном что для вас самое главное?

— Главное — семья. И для меня это не только муж, жена, но, не пугайтесь параллели, клан. Как в мафии. Так вот, мой клан — это еще и моя сестра, ее дети, моя мама, моя собака, близкие друзья. Они, мои единомышленники, и есть моя семья.

— Поговаривают, вы хорошая хозяйка...

— На кухне могу сделать только свой фирменный торт из зефира и варенья, и то помощники нужны, я быстро устаю и сдаюсь.

— Но в работе-то вы не сдаетесь. Вы сами ставите хореографические номера или кто-то помогает?

— Я многое делаю сама. Сначала вообще все было мое: костюмы, хореография, режиссура. Но делала я это оттого, что никому не верила. А сегодня у меня есть кому верить. Когда я увидела спектакль Романа Викптока «Служанки», то мой первый вопрос был: кто ставил движения? Прозвучало имя Аллы Сигаловой, и я специально пошла на ее спектакль, где окончательно убедилась, что это мой человек. Первый номер, который мы вместе сделали, был «Я вышла на Пикадилли». Поэт, куртуазный маньерист Виктор Пеленягрэ написал для меня много текстов, над которыми я готова рыдать. Когда я прочитала книгу его стихов, то поняла, что это тот человек, которого я искала всю жизнь. Наконец-то у меня появились живые человеческие песни, сегодня я могу петь от лица женщины. Об этом я мечтала с семнадцати лет.

— А как же Илья Резник? Вы с ним поссорились?

— С Илюшей мы вообще не ссорились. Илья Резник — очень уважаемый мною человек, про которого я никогда бы не посмела говорить плохо. Но после того, как я увидела по телевидению, что он пытался что-то нехорошее кинуть в адрес Раймонда Паулса... Скажу лишь одно: не поняла, на что он обиделся.

— Вас не смущает то, что Раймонд Паулс сегодня больше занимается политикой, нежели творчеством?

— Он такой энергичный человек, что его хватит и на то, и на другое. Он пишет музыку детским хорам, театру, пишет различные оперы, делает народные праздники. Он вообще ни минуты не сидит на месте. К сожалению, в России об этом немногие знают. Не надо его хоронить — он может все.

— А вы случайно не состоите в партии Паулса?

— Я к политике не имею никакого отношения и не хочу иметь. Я обожаю театр. Единственное, что мне не нравится, так это когда артисты кричат на сцене.

— Что является для вас символом успеха?

— В профессии — полный зал, а в жизни — любовь окружающих. Это самое лучшее — быть там, где тебя любят. Любовь — это синоним успеха.

Встречались
Сергей БУГАЕНКО,
Богдан ЖЕЛТОБРУХ